

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/37/2

Р.В. Гуляев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС И ЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В «БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА» ХАННЫ АРЕНДТ

Рассматривается проблематика личной и политической ответственности в творчестве немецко-американского теоретика Ханны Арендт. Ее центральная работа на эту тему, «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме», представляется полемикой с теорией государственного интереса и ее видным теоретиком Карлом Шмиттом. Главный пункт их дискуссии – существует ли ситуация, в которой решения индивида оказываются за границами традиционных этических и политических оценок.

Ключевые слова: Ханна Арендт, суждение, политическая ответственность, этика, исключение.

В 2003 г. в Нью-Йорке вышел сборник статей и лекций немецко-американского философа и политического теоретика Ханны Арендт «Ответственность и суждение». Такой широкой формулировкой составитель Джем Кон постарался выделить ключевые понятия этической философии Арендт – способность высказывать суждение (т.е. иметь независимое мнение) и способность нести ответственность за свои поступки. Открывающая этот сборник статья «Личная ответственность при диктатуре» (1964) на первый взгляд является довольно узкоспециальным текстом. В ней Арендт высказывает свой взгляд на полемику вокруг вышедшей годом ранее и значительно более известной ее работы «Эйхман в Иерусалиме» с подзаголовком «Рассказ о банальности зла», а также расширяет и дополняет некоторые затронутые в ней вопросы. И хотя текст «Личной ответственности» при жизни Арендт целиком опубликован не был [1. С. 28], эти две работы стоит рассматривать вместе, так как они позволяют выйти за рамки анализа конкретного уголовного процесса и поговорить о том, какое место в мысли Арендт занимает диктатура и каким ей видится положение гражданина в условиях неконституционного и недемократичного правления. Главная гипотеза настоящей статьи заключается в том, что Арендт в своих текстах, разбирая аргументы в защиту пособников нацизма, не просто воспроизводит звучавшие в зале суда высказывания, а *во многом полемизирует с Карлом Шмиттом*, известным правоведом и политическим теоретиком, тесно связанным с нацистским режимом и в своих работах разрабатывавшим схожие вопросы, но с иных позиций. Сам Шмитт писал своему ученику Эрнсту Форстхоффу, что читал книгу Арендт об Эйхмане и она не оставила его равнодушным: «Книга столь острая, что я несколько недель буквально болел ей, и не потому, что она содержит уколы в мой адрес» [2. С. 198]. Мы постараемся не только найти эти «уколы» в текстах Арендт; представляется возможной своеобразная герменевтическая реконструкция диалога между двумя мыслителями, которые сходились во мнении, что диктатура является тем экстраординарным положением, при котором как никогда ярко раскрываются как этические свой-

ства отдельного человека, так и природа политической власти как таковой. Главные вопросы, на которые мы постараемся ответить, связаны с жестоким парадоксом, к которому Арендт пришла в статье 1944 года «Организованная вина»: «Даже самый экстремальный лозунг, рожденный этой войной с нашей стороны (“только мертвый немец – хороший немец”), имеет свою основу в реальной жизни: лишь когда нацисты повесят кого-то, можно с уверенностью сказать, что он действительно был против них» [3. С. 42]. Несет ли гражданин ответственность за действия своего государства? Как поступить, если следование служебной инструкции будет являться преступлением? Наконец, есть ли другие способы доказать собственное противодействие власти, кроме как быть этой властью репрессированным? Все эти вопросы так или иначе сформулированы в текстах Арендт или прямо из них вытекают; однако привлечение к ним концепции Шмитта способно дать неожиданно глубокий и продуктивный результат.

В 1963 году сначала в виде пяти репортажей в *New Yorker*, затем полноценным томом вышла книга Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме» с подзаголовком «Рассказ о банальности зла». Это относительно небольшое (около 15 авторских листов), написанное живым языком произведение представляло собой отчет о судебном процессе над Адольфом Эйхманом, бывшим руководителем отдела гестапо IV-B-4, в чьи обязанности входило взаимодействие с попавшими под власть Третьего рейха евреями и, начиная с определенного момента, их уничтожение. В центре повествования находилась не история нацистской Германии или Второй мировой войны, не страдания еврейского народа и не размышления о судьбах Европы, а жизнь и личность Эйхмана, причем в тех аспектах, в каких они представляли интерес для суда. Однако положение судей осложнялось тем, что обвиняемый не признавал себя виновным и заявлял, что в своей работе руководствовался исключительно инструкциями начальства, а обвинение и власти Израиля невольно помогали ему, апеллируя к «коллективной вине» немецкого народа и многовековой истории антисемитизма (на этом фоне конкретные деяния Эйхмана отступали на второй план).

Главные тезисы книги Арендт: Эйхман, которого общественность поспешила объявить злым гением и яростным антисемитом, в действительности не был ни тем, ни иным; суд убедился в его неспособности лично причинить вред кому-либо; деятельность по выселению и уничтожению евреев он вел как обычную бюрократическую процедуру, а если в ходе этого и испытывал к кому-то неприязнь, то не как к своим жертвам, а как к более успешным коллегам из конкурирующих отделов Управления имперской безопасности. Однако Арендт подчеркивает: *суд должен идентифицировать не зло, а состав преступления*; задача суда – не определять, был Эйхман злодеем или нет, а доказать, совершил ли он те поступки, которые ему вменяются, выполняя ли он их единолично или в содействии с какими-либо организациями. Эйхмана судят не за страдания евреев, а за конкретные действия, распоряжения и инструкции, которые он подписывал и выполнял; попытки сделать обратное – персонифицировать в обвиняемом все преступления режима, представить его коллективным козлом отпущения – могут привести единственно к подрыву авторитета суда и возникновению прецедента, затрудняющего

возможное обвинение в будущих подобных случаях. На чудовищную несправедливость по отношению к жертвам Третьего рейха можно ответить только максимально объективным и полным расследованием этих преступлений и наказанием (хоть и априори несоразмерным деянию) действительно виновных, а это относится к компетенции исключительно суда, как бы ни хотелось политикам, возмущенной общественности и другим заинтересованным сторонам поучаствовать в этом процессе.

Выводы Арендт вызвали действительно яростную полемику: в послесловии к русскоязычному переводу, написанном доктором Эфраимом Зуроффом [4. С. 417–421], исследование Арендт объявляется «чрезвычайно обидным и оскорбительным как для жертв, так и для тех, кто остался в живых», а некоторые из ее утверждений – «совершенно ложными и даже чудовищными», вследствие чего к книге «довольно трудно относиться с симпатией»¹. Притом что критика Зуроффа, как и авторов, на которых он ссылается¹, относится в основном к тому, как Арендт излагает и интерпретирует конкретные исторические факты, он делает весьма важное замечание о методологии «Банальности зла»: «Ханна Арендт, несомненно, была блестящим политическим философом, и ее вклад в эту область знания поистине неоценим... К сожалению, ее исторические исследования периода холокоста не соответствуют уровню ее познаний в выбранной ею области философии» [4. С. 420]. При этом во всем тексте «Банальности зла» можно найти лишь несколько ссылок на философские концепции, самая запоминающаяся из которых – утверждение Эйхмана о том, что всю свою жизнь он соотносил с кантианским понятием долга и в частности «Критикой практического разума». Арендт, впоследствии посвятившая политической философии Канта отдельный курс лекций [5], не дрогнув, оставляет этот сюжет практически без внимания: «Какой бы ни была роль Канта в формировании менталитета “маленького человека” в Германии, нет ни малейших сомнений в том, что в одном отношении Эйхман действительно следовал представлениям Канта: закон есть закон, и исключений быть не может» [4. С. 206]. Можно предположить здесь влияние формата – все же аудитория *New Yorker* ждала отчета о суде, а не о борьбе немецкого профессора с немецким же преступником за наследие давно умершего немецкого мыслителя. Но в целом, если не считать, что все написанное философом автоматически становится трудами по философии, то наличие в «Банальности зла», помимо публицистического, еще и философского содержания, представляется проблематичным. Примечательно, что в исследованиях, посвященных политической философии Арендт, «Эйхман в Иерусалиме» или не разбирается вовсе (как, например, в обстоятельной работе Андреаса Каливаса [6], связывающей мысль Вебера, Шмитта и Арендт в отношении категории «чрезвычайного»), или упоминается вскользь (как в работе Артемия Магуна, в которой иерусалимские репортажи Арендт рассматриваются исключительно как *миметический* опыт

¹ В этом отношении рецензия написана вполне в духе критики со стороны израильских и американских еврейских сообществ, обрушившейся на Арендт сразу после публикации и продолжающейся до настоящего времени. Наиболее полный обзор данной критики см.: *Daniel Maier-Katkin. The Reception of Hannah Arendt's Eichmann in Jerusalem in the United States 1963–2011. hannaharendt.net. Bd. 6, Nr. ½. 2011.*

воссоздания точки зрения «другого» (т.е. обвиняемого) и следует достаточно неожиданный вывод, что «Эйхмана, по мнению Арендт, следовало убить, а не судить» [7. С. 368]).

Если в своих репортажах об иерусалимском процессе Арендт подробно не разбирала суть линии защиты, предпринятой адвокатом Эйхмана Робертом Сервациусом, то в «Личной ответственности при диктатуре» она находится в центре внимания. Защита Эйхмана строилась на концепции *«acts of state»*, *актов государственной власти*: они «являются непосредственными выражениями воли суверена, которая не попадает под юрисдикцию ни одного суда» и, следовательно, «находятся всецело за пределами правового поля» [1. С. 70]. Это объясняется тем, что в определенных обстоятельствах само государство может оказаться под угрозой исчезновения, и для выхода из этой ситуации требуются средства, которые не попадают под действие морали, права и других институтов, определяющих поступки рядовых граждан: «На кону стоит государство в целом и существование всего, что происходит в нем. В этой теории подобный акт государственной власти неявно уподобляется «преступлению», которое человек совершает в целях самообороны, то есть поступку, который также не предполагает наказания ввиду чрезвычайных обстоятельств, когда под угрозу поставлено само существование действующего лица» [1. С. 71]. В качестве примеров таких актов обычно называют казнь герцога Энгиенского при Наполеоне и убийство социалиста Джакомо Маттеотти режимом Муссолини. И то и другое событие вполне однозначно трактовались современниками как преступления, имеющие, однако, понятную логику: власть расправляется со своими явными политическими врагами, не ограничиваясь в средствах. На первом этапе Арендт не полемизирует с самой теорией, не дает ей моральных оценок и не пытается найти ее корни. При этом в «Банальности зла» упоминается, что ассистент Сервациуса Дитер Вехтенбрук был учеником Карла Шмитта (который в упомянутом письме язвительно замечает, что впервые слышит об этом своем «ученике»). Возникает вопрос: зачем в книге нужна эта деталь про явно второстепенного персонажа, не развивающаяся в какой-либо развернутый сюжет, но при этом добавляющая автору уязвимости в части фактологии? Здесь стоит заметить, что Роберт Сервациус изображается в «Банальности зла» в целом примерно так же, как и его подзащитный: вместо ожидаемого апологета мощи и всевластия бюрократического Левиафана мы видим не очень внимательного юриста, который ухватился за усвоенную однажды чужую идею, не вникая в ее истоки и упуская самые сильные аргументы в ее защиту. Можно предположить, что Шмитт нужен Арендт как некий «идеальный противник» – и тогда приговор Эйхману будет и приговором концепции неподвластного закону суверена; в противном случае стоило ли тратить такие силы только на разоблачение профессиональных недостатков Сервациуса?

Однако за теорией, связывающей государство и безопасность, стоит как минимум еще один автор – Арендт видит в нем в первую очередь предвестника европейского империализма XIX века [3. С. 22–38], тогда как Шмитт в 1938 году пишет о нем следующее: «С отвагой и интеллектуальной прямо-

той он восстановил прежние, вечные взаимосвязи между обеспечением защиты и повиновением, приказанием и принятием риска, властью и ответственностью, выступив против дистинкций и ложных понятий *potestas indirecta*, которая требует повиновения, не будучи в состоянии обеспечить защиту, хочет приказывать, не принимая на себя политических рисков, и властвует в обход других инстанций, на которых оставляет всю ответственность» [8. С. 238]. Речь идет об авторе «Левиафана» Томасе Гоббсе, начинающем свое рассуждение о государстве со следующей мысли: «Цель государства – главным образом обеспечение безопасности. Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз... является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни» [9. С. 128]. Если государство падет, оно не сможет обеспечить никакого порядка и безопасности своим гражданам; следовательно, подразумевается, что последние поддерживают решения власти относительно источников угрозы и необходимым мерам по ее пресечению.

Арендт, для которой государственная деятельность – пространство *vita activa*, свободного творчества, а отнюдь не только совокупность мер безопасности, тем не менее принимает эту логику и пытается разрушить аргумент изнутри: она однозначно утверждает, что уничтожение евреев «не было обусловлено какой бы то ни было необходимостью» и лишь ускорило поражение режима в войне; затем добавляет, что единичные (преступные) исключения из права делаются для поддержания порядка в целом, тогда как в случае Третьего рейха «едва ли имелся хотя бы один акт... власти, который, согласно привычным нормам, не был бы преступлением» [1. С. 72]. Можно объяснить репрессии нацистов в отношении коммунистов, профсоюзных деятелей и т.д., т.е. открыто противостоящих им политических групп (на эту объяснимость очевидно указывает, например, известная речь Мартина Нимеллера «Когда они пришли...»¹ – ее герой мог молчать или протестовать, когда «они приходили» за коммунистами и социал-демократами, но причины происходящего в любом случае были для него вполне ясны). Были открыто преступными, но также понятными еврейские погромы вроде «Хрустальной ночи» 1938 года, организаторы и участники которых не скрывали своих антисемитских взглядов (и, соответственно, были готовы видеть в евреях источник угрозы, не нуждающийся в дополнительном обосновании). Была, наконец, беспрецедентная по масштабу и обоюдной жестокости партизанская война на восточном фронте, и происходившее там также не требовало особого понимания. Однако все это – лишь сопутствующие обстоятельства программы «решения еврейского вопроса», которая как раз не укладывается ни в одну из перечисленных логик. Безусловно, были евреи-коммунисты и евреи-партизаны, как были и нацисты-антисемиты; однако случай Эйхмана противоположен всем вариантам (и тем интересует Арендт): человек, который не испытывал к евреям как таковым никакой личной неприязни, организовал

¹ Чаще всего приводится в следующем виде: «Когда они пришли за коммунистами, я молчал – я не был коммунистом. Когда они пришли за социал-демократами, я молчал – я не был социал-демократом. Когда они пришли за профсоюзными активистами, я молчал – я не был членом профсоюза. Когда они пришли за мной – уже некому было заступиться за меня». Поскольку изначально это высказывание было сделано Нимеллером устно, существуют некоторые вариации текста.

переселение, а затем уничтожение евреев, отсутствие враждебной деятельности которых и неучастие в политических партиях были ему доподлинно известны¹. Относительно же мысли Арендт о том, что *все* акты нацистской власти являлись с точки зрения обычной логики преступными, нужно небольшое отступление.

«Преступные акты» власти вовсе не обязательно заключаются в прямом истреблении граждан и экспроприации их имущества. Приведенное выше положение о норме и исключении из нее можно прояснить при помощи экскурса в такой частный вопрос, как законодательство в области владения и ношения гражданами оружия. Хотя ни Арендт, ни Шмитт не обращаются к этому сюжету, в уже упомянутом «Левиафане» есть прямое высказывание на этот счет. Согласно Гоббсу, «целью повиновения является защита, и тому, в чем человек видит свою защиту, будет ли это его собственный меч или меч другого, он склонен от природы повиноваться и стремится это поддержать» [9. С. 171].

Бернард Харкурт, профессор права Чикагского университета, в своей статье, посвященной этому вопросу, развенчивает два современных мифа: во-первых, что режим нацистов, придя к власти, первым делом отобрал у граждан личное оружие, лишив их возможности активного сопротивления; и, во-вторых, что если бы граждане Германии были вооружены, они не допустили бы того размаха террора и произвола, который произошел в действительности. Анализируя законодательные акты разных периодов, Харкурт приходит к выводу, что самый жесткий порядок в этой области был установлен не Гитлером, а веймарским правительством в 1919 году, после подписания Версальского договора: граждане Германии были обязаны в двухмесячный срок сдать властям все имевшееся у них оружие, включая охотничье, и патроны; неподчинение грозило штрафом и тюремным заключением (первоначально разоружили даже полицию). В 1928 году вышел новый закон, допускавший выдачу разрешений на покупку и хранение оружия гражданам, которые имели постоянное жилье и «чья благонадежность не вызывала сомнений» («persons of undoubted reliability») [10. С. 19]. Соответственно, прямо указывалось, что цыгане-кочевники и прочие лица без постоянного места жительства не могут претендовать на такое разрешение. Гитлеровский же закон 1938 года вносил двойные изменения: с одной стороны, в категорию «неблагонадежных» попали еще и евреи, причем им было запрещено не только владеть любым оружием, но и заниматься его продажей или ремонтом; с другой стороны, «благонадежные» граждане получили право не только хранить оружие дома, но и носить его с собой, каждый человек мог владеть неограниченным количеством стволов, а в будущем, при стабилизации общества, обещалась свободная продажа оружия всем совершеннолетним гражданам без необходимости получать разрешение в полиции. В конце статьи Харкурт резюмирует: абсурдно характеризовать оружейное законодательство

¹ Арендт говорит об этом вполне однозначно, потому что борьба с *политическими* врагами вообще не относилась к ведомству Эйхмана, задачу которого однозначно сводили к тому, чтобы сделать рейх *judenrein*, «свободным от евреев» (см.: [4. С. 151–167]).

Третьего рейха как «свободное» или, напротив, «контролирующее», так как целая категория граждан была *вообще выведена за рамки* этого закона [10. С. 27]. Однако сам принцип такого ограничения был введен еще в Веймарской республике; а по отношению к «благонадежным» гражданам, которые гарантированно не являются врагами государства, новый закон был явным послаблением. Стоит добавить, что расчет на «благонадежность» оправдался, так как ни одного сколь-нибудь заметного вооруженного выступления против нацистов так и не последовало.

Был ли этот закон несправедливым, значительно ограничивающим в правах определенную часть населения? Да. Являлся ли он развитием терминов и принципов предыдущих законодательных актов в этой области? Тоже да, причем для «благонадежной», «нормальной» части общества он либерализировал предшествующее более строгое положение. Когда Арендт говорит, что все решения нацистского режима были с точки зрения традиционного права преступными, это не значит, что режим занимался исключительно массовыми убийствами, депортациями и экспроприацией имущества. Продолжали свою работу гражданские суды, издавались законы, регулирующие торговлю, образование, производство; продолжали действовать правила дорожного движения. Государство продолжало выполнять свою функцию: защищать себя и своих граждан от угрозы со стороны «неблагонадежных», только пересмотрело их состав. Таким образом, правовая «норма» Третьего рейха выглядит вполне сопоставимой с практикой фашистской Италии, большевистской России, авторитарных режимов Центральной Европы, возникших после Первой мировой. Критерий выделения потенциально опасных элементов вполне можно считать тем самым «актом государственной власти»: большевистское государство будет видеть угрозу в одном, фашистское – в другом, какая-нибудь националистическая монархия – в третьем; делает ли это преступниками сотрудников спецслужб, которые исходя из этого выполняют свою работу? Арендт и сама отмечает сложность, связанную с признанием нацистами своей вины: «Те, кто поступал неправильно, были очень хорошо знакомы и с буквой, и с духом закона своей страны, а сегодня, когда они привлечены к ответственности, мы, по сути, хотим от них, чтобы их “чувство законности” *противоречило* законам их страны и их знанию этих законов» [1. С. 73]. Это самосознание очень точно реконструировал современный писатель Джонатан Литтелл в своем романе «Благовоительницы», главный герой которого, бывший эсэсовец, вопрошает читателя: «Виновен ли стрелочник на железной дороге, направивший поезд с евреями в сторону концлагеря? Он – государственный служащий, двадцать лет переводит себе стрелки и ведать не ведает, что внутри вагонов. И не его вина, что через его стрелку евреев доставляли из пункта А в пункт Б, где их уничтожали. Тем не менее в операции по уничтожению евреев он играет важнейшую роль: без него поезд не добрался бы до пункта Б» [11. С. 25].

Однако для суда, отвечает Арендт, вовсе не обязательно, чтобы подсудимый признал свою вину и раскаялся в содеянном. С позиции теории Гоббса (и Шмитта, коль скоро он также указал на эту взаимосвязь!) нацистская власть противоречит самой идее государства, потому что она не только открыто отказалась от правовой и полицейской защиты части своего населения,

но и лишила ее права защищать себя самостоятельно, при этом продолжая требовать беспрекословного повиновения. Таким образом, ответственность лежит не только на тех, кто занимался убийствами в лагерях смерти, но в первую очередь – на тех, кто ввел градацию категорий граждан, сохранив пространство безопасности лишь для некоторых из них. Именно поэтому беспрецедентное число лиц – чиновников, военных, гражданских – оказались *в чем-то замешаны*. Можно предположить, что в приведенном примере стрелочника существенным будет лишь одно обстоятельство: действительно ли он «ведать не ведал», что именно и с какой целью перевозят через его стрелку. Но из всего этого ни в коей мере не следует идея коллективной вины народа, против которой Арендт выступает снова и снова: то, что виновных так много и они принадлежат к таким разным слоям общества, отнюдь не повод чувствовать вину тем, кто в действительности ничего не сделал.

И здесь мы подходим, возможно, к самому противоречивому сюжету исследования Арендт, окончательно разворачивающемуся к концу «Личной ответственности». Подробно описав сущность тоталитарного зла, Арендт оказывается перед закономерным вопросом: что же должен делать человек, чтобы удержаться в стороне от санкционированных властью злодеяний и, что не менее важно, может ли он как-то им помешать? На первый вопрос ответить достаточно легко: Арендт предлагает перестать отождествлять категории *повиновения* и *согласия*, оставив политический смысл только у второй [1. С. 80]. Повиноваться может только ребенок, который не выступает равноправным субъектом процесса воспитания; применительно же к взрослому человеку единственная область, где он безоговорочно подчиняется чужой воле, – это религия, к которой Арендт применяет аналогию все тех же отношений между ребенком и взрослым. Относительно же совместной деятельности взрослых людей Арендт говорит следующее: в любом начинании выделяется лидер, который сообщает остальным свой план и побуждает их к содействию. Роль лидера несомненна, но без поддержки большинства его инициатива так и останется невоплощенной. «Важно понимание того, что ни один человек, каким бы сильным он ни был, не в состоянии совершить нечто, хорошее или плохое, без помощи других» [1. С. 80]. В основе этой поддержки может лежать страх, принуждение, искренняя убежденность, однако, хотя эти мотивы важны, главное значение все же следует придавать тому факту, совершал ли в итоге человек конкретные действия или нет. Таким образом, главное этическое правило жизни при диктатуре, к которому приходит Арендт, – невзирая на внешние обстоятельства, постоянно прислушиваться к голосу своей совести, подвергать любые призывы и лозунги сомнению и ориентироваться скорее на воздержание от действия, нежели на соучастие.

Однако как быть с желанием активно помешать творящемуся злу? Арендт приводит аргумент, часто звучавший на послевоенных процессах: обвиняемые «всего лишь делали свою работу, чтобы избежать худшего поворота дел; лишь те, кто оставался в системе, имели шанс хоть как-то повлиять на происходящее... а те, кто не сделал ничего, уклонились от любой ответственности, думая лишь о себе и о спасении своих драгоценных душ» [1. С. 66]. Это об-

винение в «безответственности» явно сильно беспокоит Арендт, которая в дальнейшем несколько раз возвращается к этому термину, неизменно заключая его в кавычки. В конечном счете она приходит к следующему выводу: «Думаю, нам придется признать, что существуют экстремальные ситуации, в которых невозможно брать на себя ответственность за мир, ответственность по преимуществу политическую, поскольку политическая ответственность всегда предполагает наличие хотя бы минимальной политической власти. Бессилие или полное отсутствие власти представляется мне весомым оправданием» [1. С. 79]. Можно предположить, что в этом коротком отрывке выражена главная для Арендт черта тоталитаризма: при нем человек не просто *перестает быть* аристотелевским ζῶον πολιτικόν, но вынужден *добровольно отказаться* от своей ответственности за других и перестать предпринимать активные действия, чтобы не поддаться искушению зла. И эту часть ее рассуждений принять, пожалуй, труднее всего.

Превознося ненасильственные способы сопротивления нацизму [4. С. 257–263], Арендт все же утверждает, что «тоталитарный режим может быть свергнут только изнутри – не путем революции, а путем *coup d'état*» [1. С. 66]. Однако в случае конкретного гитлеровского режима, признает она, даже те, кто не пошел на сотрудничество с властью, «не стали, да и не смогли бы, поднимать восстание» [1. С. 77]. Попытки насильственного переворота, которые все же предпринимались, – главной из них стало организованное в 1944 г. группой армейских офицеров покушение на Гитлера, – Арендт отмечает, но не уделяет им сколь-нибудь значительного внимания. Для нее этот сюжет служит иллюстрацией причуд армейской этики, выступавшей против продолжения самоубийственной войны, но совершенно обходившей вниманием массовые убийства гражданских. Восстание в варшавском гетто упоминается в «Банальности зла» два раза [4. С. 27, 182] лишь как пример самоотверженности тех немногих, которые отвергли сравнительно легкую смерть в газовых камерах ради возможности самостоятельно распорядиться своей жизнью (т.е. опять-таки как этический вопрос, а не политическая возможность).

В чем причина такого избирательного внимания к прямым и открытым попыткам свергнуть тоталитарный режим? Едва ли здесь есть место ироничному отношению Арендт к «историку, предпочитающему выпячивать первую, насильственную, стадию восстания и освобождения, борьбу против тирании, в ущерб второй, более спокойной стадии конституционных собраний» [12. С. 194], которое она высказывает в своей работе «О революции» (1963), – прежде всего потому, что, как видно из приводившейся выше цитаты, она считает государственный переворот (либо свержение режима внешней силой) единственной надеждой всех несогласных с политикой Третьего рейха граждан. Скорее всего, причина в строго локальном характере этих выступлений, изначально обреченных на поражение; и именно эта обреченность, «трагический взгляд на современность», в глазах некоторых исследователей [13. С. 11–32] определяет философию Арендт в целом.

Однако и в этом случае этическая проблематика для нее очевидно преобладает над историко-политической. Это становится особенно заметно, когда речь заходит об институте диктатуры, который Арендт вынесла в заголовок своей статьи, но которому при этом предметно там уделен всего один абзац.

Упоминая [1. С. 64], что этим термином обозначается и исторический республиканский институт, подразумевающий вполне законное введение чрезвычайных полномочий, Арендт концентрируется на втором, «современном», понимании диктатуры как узурпации власти военными либо какой-то другой партией с последующим преследованием политических оппонентов и установлением правового нигилизма. Однако представляется, что именно такой быстрый переход и не позволил ей увидеть какие-то позитивные возможности диктатуры как средства предотвращения будущей катастрофы, тогда как упомянутый Карл Шмитт изучал диктатуру именно с этой точки зрения.

В 1928 г. вышло второе издание работы Шмитта «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы». Этот труд, впервые опубликованный за семь лет до того, был посвящен историческому исследованию понятия диктатуры и трансформаций, которые этот институт пережил от Римской республики до конца XIX века. Второе же издание было дополнено небольшим очерком под названием «Диктатура рейхспрезидента: согласно 48-й статье Веймарской конституции». В нем Шмитт утверждает, что текст конституции содержит значительные противоречия, касающиеся чрезвычайных полномочий президента республики. Конституция является неприкосновенной, однако в случае возникновения «большой угрозы общественному порядку и безопасности» рейхспрезидент может принять неконституционные меры, «которые покажутся необходимыми» [14. С. 238], вплоть до применения вооруженной силы. Далее следует перечисление статей конституции, действие которых может быть приостановлено таким образом (о свободе личности, неприкосновенности жилища, свободе собраний и объединений и т.д.). Законодатели, с подозрением относящиеся к исполнительной власти, настаивали на том, что доступные президенту экстраординарные полномочия должны быть строго ограничены лишь этими пунктами. Шмитт же заявляет, что чрезвычайные обстоятельства на то и являются чрезвычайными, что невозможно заранее предсказать, какие фактические меры потребуются для их устранения, поэтому такое ограничение не имеет смысла (или сделает бессмысленными сами декларируемые полномочия). Для него главное содержание статьи 48 заключается в самом признании того факта, что в определенных ситуациях конституция не работает, а «любая попытка сконструировать из этого перечисления [статей, действие которых президент может приостановить] правовой барьер... для любых действий, затрагивающих ту или иную статью конституции, будет отступлением от более точного понимания дословного текста» [14. С. 243].

Однако можно предположить, что первоочередная цель Шмитта – не обоснование конкретных полномочий президента, а преодоление того отчуждения, которое возникает каждый раз, когда либеральное сознание сталкивается с понятием чрезвычайного положения. «Трактовка второго абзаца статьи 48 с точки зрения правового государства сделалась бы менее затруднительной, если бы правительство Германии само позаботилось о ясном обосновании своего образа действий. К сожалению, этого не произошло». И далее: «Именно в дискуссиях о чрезвычайном положении иногда проявляется осо-

бая нехватка конституционно-правового сознания, и часто такие споры бывают подчинены лишь ближайшему политическому опыту и намерению» [14. С. 234, 237]. Ярче всего недоумение Шмитта проявляется в предисловии ко второму изданию «Диктатуры»: «Научная критика первого издания, с которой пришлось бы полемизировать второму, к сожалению, не появилась... Они... по сути дела, двигаются не в сфере логической аргументации, а, скорее, в “атмосфере” недоверия к диктатуре, свойственного сторонникам либерального правового государства» [14. С. 9]. И если Ханне Арендт удалось убедительно опровергнуть обвинения в бездействии и безответственности в адрес тех, кто устранился от участия в любой публичной деятельности в Третьем рейхе, то здесь аналогичные обвинения, напротив, набирают силу. 1927–28 гг., предшествующих мировому экономическому кризису, – последний этап «нормального» существования Веймарской республики, – и приходится признать дальновидность Шмитта, который в отличие от своих оппонентов утверждал, что этот период стабильности не вечен и поэтому именно в этот момент нужно четко регламентировать чрезвычайные компетенции и полномочия различных органов власти на случай усложнения обстановки¹.

Дальнейшие события хорошо известны: экономический кризис перешел в политический, маргинальная партия нацистов, руководство которой уже было замешано в неудачной попытке государственного переворота, начала приобретать новых сторонников. Гитлер, не особенно скрываясь, вступил в контакты с армейским руководством² и заручился поддержкой вооруженных сил. Выборы в рейхстаг 1932–1933 гг. сопровождались уличными столкновениями с сотнями жертв. Военизированные формирования нацистской партии, СС и СА, совместно с полицией начали патрулировать улицы, а попутно развернули террор против своих политических противников, прежде всего коммунистов и социал-демократов. Все это были не подкрепленные никакими законными полномочиями действия партии, лидер которой был назначен главой правительства, но которая не имела даже парламентского большинства, – и тем не менее никто не попытался эти действия оспорить или воспрепятствовать им. Рейхспрезидент с 1925 по 1934 год Пауль фон Гинденбург, вокруг гипотетических диктаторских полномочий которого и шла инициированная Шмиттом дискуссия, в действительности оказался лишен малейшей возможности принять «необходимые меры»: при отсутствии в законе четкого определения признаков «чрезвычайной ситуации», неясности того, на какие средства может опираться исполнительная власть в своих решениях, он мог действовать исключительно на свой страх и риск и предпочел идти по пути компромисса и договоренности с политическими силами, которые открыто перешагивали рамки законности. Едва ли может быть более яркий пример результатов этой политики, чем заседание рейхстага 23 марта 1933 г., – на нем отсутствовали депутаты от уже запрещенной

¹ Подробнее см. послесловие А.Ф. Филиппова к «Диктатуре» [14. С. 317–321], а также работу Эллен Кеннеди [15. С. 154–184].

² Подробнее см., например, биографии генералов рейхсвера Вернера фон Бломберга и Вальтера фон Браухича, получивших при Гитлере генерал-фельдмаршальские звания, в работе Сэмюэла Митчема [16. С. 21–103].

коммунистической партии и часть социал-демократов, зал заседания был окружен отрядами штурмовиков, и 441 голосом против 94 был принят *Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich*, «Закон о ликвидации бедственного положения народа и государства», наделяющий *правительство* во главе с рейхсканцлером Адольфом Гитлером *чрезвычайными полномочиями* на четырехлетний срок (которые впоследствии продлевались вплоть до 9 мая 1945 года).

Свои размышления о коллапсе общественной морали в нацистской Германии Ханна Арендт сопровождает словами Сократа Критону о том, что лучше пострадать от несправедливости, чем самому ее совершить. В действительности вряд ли многие поспорят с тем, что лучше все же постараться избежать и того, и другого. Этический утопизм европейского сознания, согласно которому большинство граждан, столкнувшихся со злом, будут оказывать ему посильное сопротивление (а вовсе не искать оправдания преступлениям власти и своему соучастию в них), – лишь одна сторона вопроса. Арендт говорит об этом следующим образом: «Мое интеллектуальное становление происходило в обстановке, в которой никто не уделял особого внимания морали, нас растили на представлении о том, что моральное поведение есть нечто само собой разумеющееся... Конечно, иногда мы сталкивались с проявлениями слабости, недостатком стойкости или преданности... – однако мы очень слабо представляли себе, насколько серьезными могут быть такие явления» [1. С. 53]. Можно заметить, что аналогичным образом зачастую мыслится действие законов, работа различных государственных органов и гарантии личной безопасности гражданина – как нечто само собой разумеющееся, исправно функционирующее вне зависимости от внешних условий и не требующее дополнительных корректировок. Известный тезис Шмитта о том, что суверенитет проявляется *только* в чрезвычайных условиях, когда регулярное право перестает действовать, в первую очередь свидетельствует о настойчивом и идущем как минимум с 1921 г. стремлении юриста-консерватора указать правовому демократическому государству на его слабые места и подсказать действующие инструменты по их устранению (хотя и позволяет понять, почему он так легко перешел на сторону нацистов – они-то оказались способны действовать в чрезвычайных условиях, следовательно, обрели суверенность). Без этого любые этические ценности оказываются лицом к лицу с «правом силы», что и происходит в «темные времена», как часто Арендт называет Европу до 1945 г.

Литература

1. Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.
2. Ernst Forsthoff und Carl Schmitt, Briefwechsel 1926–1974, hrsg. von Dorothee Mußnug, Reinhard Mußnug und Angela Reinthal in Zusammenarbeit mit Gerd Giesler und Jürgen Tröger. Akademie Verlag, 2007.
3. Арендт Х. Скрытая традиция. М.: Текст, 2008.
4. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.
5. Арендт Х. Лекции о политической философии Канта. М.: Наука, 2012.

6. Kalyvas A. *Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt and Hannah Arendt*. Cambridge University Press, 2008.

7. Магун А. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008.

8. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006.

9. Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т.2.

10. Harcourt B.E. On Gun Registration, the Nra, Adolf Hitler, and Nazi Gun Laws: Exploding the Gun Culture Wars. University of Chicago, Public Law Working Paper. No. 67. 2004.

11. Литтелл Д. Благовоительницы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.

12. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011.

13. Canovan M. Hannah Arendt as a Conservative Thinker // Hannah Arendt. Thirty Years Later. Ed. L. May, J. Kohn. MIT Press, 1997.

14. Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005.

15. Kennedy E. *Constitutional Failure: Carl Schmitt in Weimar*. Duke University Press, 2004.

16. Мутчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998.

Gulyaev Roman V. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: rgulyaev@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/37/2

NATIONAL INTEREST AND PERSONAL RESPONSIBILITY IN HANNAH ARENDT'S «EICHMANN IN JERUSALEM»

Key words: *Hannah Arendt, judgment, political responsibility, ethics, extraordinary.*

This article is devoted to the problem of personal and political responsibility in works of Hannah Arendt, the German-American political theorist. Her main study on this subject, «Eichmann in Jerusalem», is presented as an argument against theory of national interest and its main contributor Carl Schmitt. The main contradiction point between two authors lies in the question: under what circumstances ethical and political theories fail to evaluate personal decisions as good or bad? Nazi functionaries after World War II used to blame country's government for crimes against humanity, claiming to be just doing what is necessary for the survival of a society. According to Arendt, any totalitarian regime and all its public activities have another purpose: to eliminate all traditional social institutes and to turn society into the multitude of atomised individuals. Measure of guilt is therefore defined by measure of participation in these activities, and this unprecedented situation can be solved only by international trial. Under these circumstances person can remain innocent only by avoiding any form of political participation and responsibility.

This recipe is unacceptable for Car Schmitt, who has been working on the problems of political decisionism and sovereignty since early years of Weimar Republic. He claims that it is the ability to act under the state of emergency, when regular law becomes irrelevant, which defines political sovereign from random groups of common people. Despite his well-known unofficial title of “crown jurist of the Third Reich”, in his early works Schmitt appears to support democratic republican government and to show it a possible way through future crises – a way which he sees in dictatorial authority.

We can see a deep distinction between two these approaches to similar problematics. Arendt is concentrated mostly on acts and motives of individual person, which she sees as a fulfilment of human free will and a foundation of inevitable responsibility at the same time. Schmitt focuses on military and police practices of decision-making, such as juridical norm of martial law, which he describes as instruments of overcoming state of emergency. But the collective analysis of these two authors allows us to see the implicit dispute between them and to go deeply into both their theories.

References

1. Arendt, H. (2013) *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Translated from German by D. Aronson, R. Gulyaev, S. Bardina. Moscow: Gaidar Institute.

2. Mußgnug, D., Mußgnug, R. & Reinthal, A. (eds) (2007) *Ernst Forsthoff und Carl Schmitt, Briefwechsel 1926–1974* [Ernst Forsthoff and Carl Schmitt. Correspondence of 1926–1974]. Akademie Verlag De Gruyter.

3. Arendt, H. (2008a) *Skrytaya traditsiya* [The hidden tradition]. Translated from German by T. Nabatnikova, A. Shibarova, N. Movnina. Moscow: Tekst.

4. Arendt, H. (2008b) *Banal'nost' zla. Eykhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Translate from German by S. Kastalskiy, N. Rudnitskaya. Moscow: Evropa.
5. Arendt, H. (2012) *Lektsii o politicheskoy filosofii Kanta* [Lectures on Kant's Political Philosophy]. Translated from German by A. Glukhov. Moscow: Nauka.
6. Kalyvas, A. (2008) *Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt and Hannah Arendt*. Cambridge University Press.
7. Magun, A. (2008) *Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub"ekta* [Negative revolution: To the deconstruction of the political subject]. St. Petersburg: European University.
8. Shmitt, K. (2006) *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa* [Leviathan in Thomas Hobbes' doctrine of the state]. Translated from German by D. Kuznitsyn. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
9. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
10. Harcourt, B.E. (2004) On Gun Registration, the Nra, Adolf Hitler, and Nazi Gun Laws: Exploding the Gun Culture Wars. *University of Chicago, Public Law Working Paper*. 67. DOI: 10.2139/ssrn.557183
11. Littell, D. (2012) *Blagovolitel'nitsy* [The Kindly Ones]. Translated from French by I. Melnikova. Moscow: Ad Marginem Press.
12. Arendt, H. (2011) *O revolyutsii* [About the Revolution]. Translated from German by I. Kosich. Moscow: Evropa.
13. Canovan, M. (1997) Hannah Arendt as a Conservative Thinker. In: May, L. & Kohn, J. (eds) *Hannah Arendt. Thirty Years Later*. MIT Press.
14. Shmitt, K. (2005) *Diktatura* [Dictatorship]. Translated from German by Yu. Korinets. St. Petersburg: Nauka.
15. Kennedy, E. (2004) *Constitutional Failure: Carl Schmitt in Weimar*. Duke University Pres.
16. Mitchem, S. (1998) *Fel'dmarshaly Gitlera i ikh bitvy* [Field marshals of Hitler and their battles]. Translated from English by A. Bushuev, T. Bushueva, I. Sokolov, S. Minkin. Smolensk: Rusich.